

РУБЕЖИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В.Т. Фаритов

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.10415

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ТРАНСГРЕССИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. Предметом исследования является феномен трансгрессии в научном дискурсе как источник научного творчества. Научное производство имеет свои точки бифуркации, в которых замкнутость и организованность научного дискурса нарушается. В таких кризисных ситуациях научный дискурс переходит в трансгрессивный режим существования. Данный режим характеризуется нейтрализацией установленных научным дискурсом границ бытийно-смысловой определенности. Следствием этого становится раскрытие возможности иных конфигураций смысла и существования в пространстве научного дискурса. Переход научного дискурса в трансгрессивный режим составляет специфическое онтологическое условие научного творчества.

Используются стандартные методы онтологического исследования, применяемые в классической и современной неклассической онтологии. Частично применяется методологический аппарат синергетического подхода.

Трансгрессивный режим не характерен для науки даже в ее современном постнеклассическом варианте. Однако именно трансгрессия является необходимым условием научного творчества. Научный дискурс переходит в трансгрессивный режим, во-первых, в ситуациях кризиса модификационного варианта. Во-вторых, в ситуации сближения с философским дискурсом. Оба случая являются точкой бифуркации, выводящей научный дискурс из состояния равновесия и нарушающей границы конституированной им определенности.

Ключевые слова: научный дискурс, трансгрессия, трансценденция, бытийно-смысловая перспектива, бифуркация, модификационный вариант, трансгрессивный режим, парадоксальный элемент, научное творчество, конституирование.

Традиционно творчество определяется как деятельность по созданию нового. Понятие деятельности относит феномен творчества к субъект-объектной модели, а понятие нового задает ориентацию на объект как на определяющий для творчества элемент. Отсюда творчество истолковывается как деятельность субъекта, в результате которой создается новый объект (в широком смысле этого слова). В плане онтологического исследования данное определение творчества является неадекватным, поскольку затемняет и скрывает его онтологический смысл, низводя творчество до разновидности деятельности. Как сказал бы М. Хайдеггер, такое понимание творчества является онтическим, но не онтологическим. В онтологическом плане творчество может рассматриваться не как изготовление новых объектов, но как раскрытие особых способов бытия или, в предлагаемой в настоящем исследовании терминологии, – бытийно-смысловых перспектив

и дискурсивных режимов. Раскрываемые творчеством перспективы отличаются не новизной, но специфическим отношением к доминирующим дискурсам. А именно: творчество выводит за пределы устоявшихся и седиментированных бытийно-смысловых перспектив, обнаруживая во всем возможность иных определенностей, иных конфигураций смысла и существования. Выражаясь в гегелевской манере, можно сказать, что благодаря творчеству выявляется, что все «не есть то, что оно есть, и есть то, что оно не есть».

На протяжении значительной части истории философии творчество вплетается в ту или иную метафизическую перспективу и выполняет в ней свою функцию, а именно – служит проводником трансценденции: Бога, трансцендентального чистого субъекта и его смыслов, или, наконец, Ничто, свободы (в этом плане Н. Бердяев и Л. Шестов дают особенно яркие примеры). Трактовка творчества из перспективы трансценденции превращает дан-

ный феномен в мост, ведущий к метафизическому первоначалу или трансцендентальному означаемому (как это имеет место в классической эстетике И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля).

Но существует также возможность рассмотрения творчества из перспективы трансгрессии – причем эта возможность имплицитно представлена и в метафизических концепциях. Дело в том, что в перспективе трансценденции творчество, будучи обращено к чему-то иному, нежели мир, вынуждено тем самым отвернуться от мира: «Творческий акт всегда есть уход из «мира», из этой жизни. Творчество по существу своему есть расковывание, разрывание цепей»¹. Поскольку налично-данное состояние мира и сущего конституируется различными дискурсами, творчество оказывается негативным по отношению к дискурсам – вообще или хотя бы только к определенным, актуально существующим. Отсюда остается сделать один шаг, чтобы, устранив трансцендентную область, к которому отсылает творчество, перейти к перспективе трансгрессии, сместить акценты с потустороннего на сам факт нейтрализации границ дискурсивной определенности. Потустороннее – это трансцендентальное означаемое, которое сконституированно, а следовательно, и деконструируемо. Отбросив трансценденцию, мы получаем чистое событие нейтрализации значимостей мира и дискурсов, в которых конституируются эти значимости.

Онтологический смысл творчества заключается, таким образом, в нейтрализации дискурсивных образований, осуществляющих конституирование структурированных и упорядоченных бытийно-смысловых пространств. Раскрывающееся благодаря творчеству множество бытийно-смысловых перспектив делает дискурс открытым в различные направления движения смыслообразования, в то время как магистральное для данного дискурса направление оказывается лишь одним из множества возможных путей. В этом случае весь мир и сущее приобретают некую специфическую прозрачность, просветленность: через любые дискурсивные определенности начинает проступать, просвечивать возможность иных определенностей, иных перспектив.

Из такого понимания творчества следует, что оно не есть деятельность и не определяется новизной.

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 384.

Деятельность есть полагающая установка по отношению к сущему – как таковая она исходит из горизонта некой цели и, следовательно, из заданной перспективы. Но творчество как нейтрализация дискурса не может свершаться посредством полагающей, целевой установки и из единой перспективы. Следовательно, творчество не есть деятельность.

В качестве примера можно взять художественное творчество, поскольку именно в этой сфере соотношение между творчеством и деятельностью выступает наиболее прозрачно. Все то, что связано с созданием произведения, его материально-техническим осуществлением, есть деятельность – в данном случае – художественная. К творчеству относится только свершающееся через это произведение онтологическая нейтрализация дискурсивной определенности. Это подтверждается – помимо приведенных выше соображений – и тем фактом, что созданное художественное произведение может и не иметь никакой связи с творчеством, хотя бы в техническом отношении оно и было бы выполнено без погрешностей: оно не осуществляет нейтрализации дискурсов. Такое произведение будет представлять собой только продукт художественной деятельности, надежно вписанный в пространство искусствоведческого или социокультурного дискурса. Подлинное произведение, напротив, всегда вырастает из специфической установки по отношению к бытию, а именно: из нейтрализации устоявшихся дискурсивных определенностей. Такая трактовка диаметрально противоположна тому, что говорят о художественном произведении искусствоведы. Но искусствоведы – ученые, основная задача их науки – интеграция искусства в пространство дискурса объективной реальности, подчинение художественного творчества власти научного дискурса. Искусство же есть антидискурсивное явление, направленное против фиксированных определенностей дискурса. Произведение, лишённое нейтрализующей силы, представляет собой всего лишь рукотворную поделку, не имеющую никакого отношения к творчеству.

Равным образом, творчество не может быть связано с феноменом нового. Связь с этим феноменом есть результат сведения творчества к деятельности. Если опять обратиться к художественному творчеству, то все, что в художественном произведении может быть обнаружено нового (техника, образы) относится к деятельности. Неверно, что деятельность есть нечто рутинно-однообразное,

напротив, в ее компетенции находится так же и создание нового, которое ошибочно связывают с творчеством. Произведение как творение определяется не новизной, но нейтрализацией устоявшихся дискурсивных определенностей. У всякой новизны есть и своя теневая сторона: новое не остается вечно новым, на смену ему рано или поздно приходит другое новое. То, что может быть новым, подвержено и устареванию – таков парадокс эстетики, ставящей во главу угла феномен новизны. Музыка И.С. Баха, например, была новой лишь в определенный исторический момент. Конечно, можно сказать, что творчество таких композиторов, как Бах, является новым всегда, оно не подвержено устареванию. Однако в подобном утверждении происходит подмена нового актуальным. Классики всегда актуальны, но новы лишь в определенное время. Ориентация на новизну как раз и не позволяет прояснить того, почему одни произведения живут века, а другие забываются после завершения эпохи. Одни произведения преодолевают границы любых дискурсов: будь то исторический и социокультурный контекст, стиль, направление, школа или индивидуальная авторская позиция. Они просто не укладываются в какие-либо рамки, заведомо превосходят любые «измы». Так, А. Блок был одним из основоположников и ярчайших представителей символизма, декадентства в русской поэзии «серебряного века» – но его творчество не укладывается целиком ни в одну из этих рубрик, оно превосходит любую однозначную определенность.

Теперь, после прояснения онтологического смысла творчества из перспективы трансгрессии можно обратиться к проблеме научного творчества. Здесь ситуация сложнее, чем в художественном творчестве, которое рассматривалось выше в качестве примера. Искусство изначально представляет собой антидискурсивное образование, смысл которого и состоит в нейтрализации любых дискурсов и раскрытии трансгрессивного режима бытия. Наука, напротив, есть один из дискурсов – дискурс объективной реальности. Согласно предложенному в данном исследовании пониманию творчества, научное творчество не может быть сведено к созданию новых теорий, методов и направлений. Все это относится к сфере научной деятельности и полностью укладывается в структуру научного дискурса. Здесь же снова обнаруживается неправомерность определения творчества через новизну. Научная деятельность как таковая ориентирована на получение новых результатов – следу-

ет ли отсюда, что любая научная деятельность есть творчество? Очевидно, что нет – поскольку в подавляющем большинстве случаев научная деятельность со своими новыми результатами остается жестко привязанной к конкретному научному дискурсу (например, к парадигмам в смысле Т. Куна).

Из вышеприведенного рассмотрения онтологических вариантов осмысления творчества можно сделать вывод, что творчество всегда находится в специфическом отношении к границе. В перспективе трансценденции речь идет о преступлении границы, выходе за ее пределы, в перспективе трансгрессии – о снятии, нейтрализации границ дискурсивной определенности. В случае с наукой, как правило, имеет место производство, а не творчество, поскольку границы дискурса обычно остаются не тронутыми. Научный дискурс обладает одним из наиболее жестких и четко отрегулированных аппаратов контроля, препятствующим любым нарушениям установленных путей смыслообразования. Т. Кун называет этот аппарат парадигмой, М. Фуко – эпистемологической конфигурацией. Мы используем терминологическое сочетание «модификационный вариант научного дискурса». Можно возразить, что научный дискурс осуществляет преодоление (трансценденцию или трансгрессию) по отношению к другим дискурсам, прежде всего, к дискурсу повседневности (о чем много писал В.С. Стёпин²). Однако в данном случае осуществляется лишь относительная нейтрализация дискурса, поскольку один дискурс преодолевается за счет другого, одна бытийно-смысловая перспектива просто вытесняется другой. Научный дискурс выходит за границы повседневности, но взамен он устанавливает свои собственные границы и создает условия, препятствующие их нарушению. Модель «дискурс contra дискурс» не может рассматриваться как творчество, если не обеспечивается абсолютная нейтрализация дискурса как матрицы конституирования бытийно-смысловых перспектив. Под научным творчеством могут подразумеваться ситуации нейтрализации именно научного дискурса в пространстве самого этого дискурса.

Мы не ставим своей задачей исключить или объявить заведомо неверными любые другие трактовки творчества в целом и научного в частности. Наша задача – найти, если это возможно, в

² Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

науке то, что соответствовало бы предлагаемому в данном исследовании пониманию творчества как трансгрессии дискурсивной определенности. Ближайшим образом здесь напрашиваются ситуации смены модификационных вариантов научного дискурса. Эта проблема достаточно подробно исследована Т. Куном, с других позиций – М. Фуко. В момент, определяемый Куном как кризис парадигмы, действительно происходит определенная нейтрализация научного дискурса в том виде, в каком он существовал до сих пор. Наиболее хрестоматийным примером здесь служит возникновение квантовой физики. В пространстве реальности классического модификационного варианта научного дискурса обнаружились ускользающие от фиксированности трансформации и превращения. У первых ученых, работавших в области квантовой физики (М. Планк, А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, Н. Бор), поначалу было именно такое ощущение: та объективная реальность, которая была выстроена классической наукой, терпит крах и они не в силах ничего с этим поделать. Гейзенберг так говорит об этом: «Я вспоминаю многие дискуссии с Бором, длившиеся до ночи и приводившие нас почти в отчаяние. И когда я после таких обсуждений предпринимал прогулку в соседний парк, передо мною снова и снова возникал вопрос, действительно ли природа может быть такой абсурдной, какой она предстает перед нами в этих атомных экспериментах»³. Возможно, поэтому Эйнштейн до конца своей жизни отказывался принять квантовую физику («Бог не играет в кости»). Впоследствии, однако, происходит ассимиляция выявленных «аномалий» новым модификационным вариантом или новой парадигмой. Так, исследования в области микромира превратились со временем в научные теории, структурные компоненты неклассического варианта научного дискурса. В итоге мы получаем вариант модели «дискурс contra дискурс», с той только разницей, что в данном случае речь идет не о двух разных дискурсах, но о различных модификационных вариантах одного и того же дискурса. Один вариант научного дискурса нейтрализуется в пользу другого, приходящего ему на смену.

Отсюда следует, что смена модификационных вариантов дискурса сама по себе не соответствует полностью творчеству как трансгрессивному феномену. Акцент должен быть перенесен с установления нового варианта на обнаружение аномалий

в смысле Т. Куна. Аномалии подобны вспышке молнии: они либо устраняются средствами существующего модификационного варианта, либо успешно ассимилируются новым. И в том и в другом случае в качестве аномалий они существуют сравнительно не долго. Тем не менее, именно аномалии не редко оказываются той «крупницей хаоса», которая способна хотя бы на время вывести из равновесия научный дискурс и создать ощутимый перебой в научном производстве. Аномалией является то, что не интегрируется в структуру дискурса и вместе с тем не является чем-то абсолютно чужеродным, что можно было бы квалифицировать в качестве негативного Другого и тем самым оставить в стороне. Весь фокус в том, что мимо аномалии нельзя просто пройти, от нее нельзя отделаться так же, как научный дискурс отделяется от всего, что *полностью* не укладывается в его структуры, а именно – квалифицировать как второй член бинарной оппозиции реальное – нереальное. Аномалия частично соответствует научному дискурсу, а частично – нет. В ней всегда присутствуют два плана или две перспективы – подобно тому, как М. Бахтин выявил наличие двух гетерогенных голосов в характерах и высказываниях героев Ф. Достоевского. Именно эта двойственность, двуплановость позволяет аномалии выступать в качестве парадоксального элемента в смысле Ж. Делёза⁴. Схождение и расхождение двух гетерогенных перспектив – вот функцией чего является аномалия. Но это и есть трансгрессивное движение, нейтрализующее дискурс в его притязании на утверждение единственной бытийно-смысловой перспективы. Переполюс в физике, вызванный началом исследования квантовых эффектов, связан именно с тем, что классический модификационный вариант научного дискурса на глазах стал утрачивать свой всеохватный характер. Классический детерминизм из универсального принципа мироздания превратился в частный случай. Поведение объектов микромира в гораздо большей степени соответствует «Алисе в стране чудес», нежели науке в классическом представлении о ней.

В психологии мы находим сходную ситуацию в выявлении феномена бессознательного. До психоанализа психология была по преимуществу психологией сознания. Бессознательное оказалось той парадоксальной инстанцией, которая опроки-

³ Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1989. С. 17.

⁴ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 59-60.

нула сложившиеся и устоявшиеся представления о психике в их базовых пунктах. С одной стороны, бессознательное, безусловно, представляет собой пласт психических содержаний, т.е. является объектом психологии. Но, с другой стороны, сам факт, что *могут быть* бессознательные психические содержания, в момент зарождения психоанализа был ересью. Еще раз подчеркнем, что дело здесь вовсе не в «новизне», а именно в невозможности, парадоксальности, выводящей научный дискурс из равновесия и укоренённости в себе самом.

Можно было бы привести еще немало примеров подобных ситуаций размывания границ научного дискурса – многие из них представлены в хрестоматийной работе П. Фейерабенда⁵. Однако, как мы уже отметили выше, научный дискурс непрестанно и неустанно работает над ассимиляцией всех здесь и там всплывающих аномалий. Если ткнуть в муравейник палкой, то сразу же десятки муравьев бросятся заделывать бреши. Так работает научное производство – оно скорее сопротивляется тому, что можно назвать творчеством, и «великие открытия» на деле есть результат великих потрясений научного дискурса.

При раскрытии аномалии научный дискурс функционирует в трансгрессивном режиме лишь какое-то время – Т. Кун определяет подобные ситуации как кризис парадигмы. Тем не менее, поскольку раскрытие аномалий обеспечивает переход дискурса в трансгрессивный режим, можно рассматривать подобные ситуации как один из источников научного творчества. Но есть и другой вариант, когда научный дискурс не опрокидывается на некоторое время столкновением с парадоксальным элементом (аномалией), но характеризуется движением в направлении философского дискурса. Речь идет не об окончательном переходе, но о никогда не завершающемся приближении. Научный дискурс остается научным дискурсом, но одновременно он является и чем-то большим – в той степени, в какой он приближается к области философии. В данном случае речь идет об исследователях, чьи изыскания выходят за рамки специфически научной проблематики, но вместе с тем не интегрируются в круг специфически философских исследований. В словарях и энциклопедиях таких исследователей нередко представляют как не только как ученых, но и как философов, хотя это не совсем верно. Их следовало

бы называть мыслителями – занимающими промежуточное положение между учеными и философиями. Для ученых круг затрагиваемых ими проблем слишком широк, для философов их подход к решению данных проблем слишком эмпиричен и потому неизбежно ограничен.

В качестве примеров можно привести имена А. Эйнштейна, К.Г. Юнга, М. Бахтина (список, разумеется, произвольный, можно привести целый ряд других имен). Названные исследователи работали в рамках определенной научной дисциплины, но, вместе с тем, вышли за ее границы в направлении раскрытия горизонта философской проблематики. Их заслуги перед своей наукой более чем значительны и одновременно весьма проблематичны. Теория А. Эйнштейна в виду колоссальных масштабов, с которыми она работает, обнаруживает значительные сложности с эмпирическим подтверждением или опровержением. В.И. Вернадский отмечает, что в современной науке эта теория играет не самую значительную роль в деле формирования «научного аппарата»: «Теория относительности проникнута экстраполяциями и упрощениями реальности, допущениями, проверка которых научным опытом и научным наблюдением, исходя из ноосферы, является сейчас, по крайней мере, недоступной. Благодаря этому в текущей научной работе она занимает ничтожное место, гораздо более интересуется философа, чем натуралиста, который учитывает ее только в тех случаях, когда он подходит к космической реальности. В биосфере с ней он может не считаться, ее проявления научно не наблюдает»⁶. Зато Эйнштейн раскрыл новые горизонты концептуализации пространства и времени, которые распространились далеко за пределы физики – например на предложенную М. Бахтиным литературоведческую концепцию хронотопа. Эйнштейн исследовал пространство и время физически, средствами научного дискурса, но результат оказался превосходящим рамки этого дискурса – перед нами теория, приближающаяся к позиции философского дискурса, о чем свидетельствует и чрезмерная широта охвата, потенциальная применимость в совершенно других областях знания, не исключая самой философии. Строго научные теории не обнаруживают такой тенденции к расширению, сближающей их с философскими концепциями.

⁵ Фейерабэнд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 413 с.

⁶ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 506.

Пример с К.Г. Юнгом не менее показателен, чем с А. Эйнштейном. Все свои исследовательские силы Юнг посвятил одной в его времена еще сравнительно молодой науке – психологии. Себя он мыслил в качестве ученого-эмпирика и никак иначе, против любых попыток квалифицировать его теорию коллективного бессознательного как метафизическую, восставал самым решительным образом, а титул философа всегда отвергал⁷. Открытие коллективного бессознательного для Юнга было сопоставимо с открытием микромира в квантовой физике⁸. Вместе с тем невозможно не признать того факта, что в своей теории Юнг смог сделать из психологии нечто большее, чем просто психология, – и одновременно не преступить окончательно ту черту, за которой научный дискурс превращается в философский. Об этом свидетельствует, во-первых, чрезвычайная широта фактического и тематического материала его исследований, не укладывающаяся в рамки одной научной дисциплины (мифология, этнография, алхимия, современное искусство). Во-вторых, влияние его концептуальных разработок на значительный пласт исследований в области гуманитарных наук (литературоведение, этнография, культурология) и философии. В-третьих, не стоит упускать из виду широкий спектр философских коннотаций большинства основополагающих понятий юнговского учения. Хотя выдающийся психолог использует свои термины в эмпирическом ключе, многие из них имеют специфически философское происхождение. Таковы понятия архетипов, энантиодромии, бессознательного, самости, символа, трансцендентальной функции. В этом плане весьма пока-

зательна последняя глава «Психологических типов», посвященная определению терминов. Здесь Юнг отмечает параллели используемых им понятий с концептуальными разработками Гераклита, Платона, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Когена и других философов⁹. Можно сделать вывод, что в случае с Юнгом научный дискурс функционирует в состоянии незавершенного перехода: тенденция движения в расширительном направлении к философскому дискурсу постоянно сдерживается установкой на соблюдение принципов эмпирического исследования.

Сходную ситуацию мы находим и в случае М. Бахтина. Так же, как Эйнштейн и Юнг, Бахтин является признанным и авторитетным ученым в своей сфере. Но так же как и в предыдущих примерах, результаты его исследования значительно шире литературоведения как отдельной дисциплины. Разработанные им понятия обнаруживают непосредственное тяготение к философским концептам – в них заложен достаточно сильный спекулятивный потенциал. В современной философии идеи Бахтина разрабатываются Ю. Кристевой. Можно так же выявить параллелизм со многими идеями Ж. Делёза, прежде всего в мышлении сходящимися и расходящимися рядами, гетерогенными сериями (возможно, здесь имеет место непосредственное влияние).

Движение в направлении философского дискурса не является правилом для науки. Естественная для научного дискурса направленность – это движение в сторону детализации и специализации, которое позволяет осуществлять постоянный прирост определенности через возрастающую привязку объектов к фиксированным смыслам. В четвертой части «Так говорил Заратустра» представлен ученый, для которого пивка оказывается непомерно широким предметом исследования. Он изучает только мозг пивки – и для него это целый мир. Дело здесь, однако, не в широте интересов. Можно представить ситуацию, что Бахтин всю свою жизнь посвятил бы изучению одного раблезианского романа. Все равно даже только это исследование нельзя свести исключительно к литературоведению, поскольку оно выходит за его пределы – не тематически и содержательно, но концептуально. Круг интересов и область исследования могут быть сравнительно узкими и одновре-

⁷ Ср. в этом плане высказывание Юнга: «К этой категории относится также поверхностное и неумное представление о том, что идея коллективного бессознательного является «метафизической». Речь идет об эмпирическом понятии, которое находится на одном уровне с понятием «инстинкт», что сразу понимает каждый, кто читает более или менее внимательно» (Вер Г. Карл Густав Юнг. Челябинск: Урал LTD, 1998. С. 117). Ср. также: «Странно, что мои критики, за немногими исключениями, замалчивают то обстоятельство, что я как врач исхожу из эмпирических фактов, которые каждый может проверить. Зато они критикуют меня так, как если бы я был философом или гностиком, утверждающим, что он обладает сверхъестественным знанием. Как философа и как абстрактно рассуждающего еретика меня, конечно, легко победить. Наверное, по этой причине, предпочитают замалчивать открытые мной факты» (Там же. С. 182-183).

⁸ Юнг К.Г. О природе психе. Сборник. М.: Рефл-бук, К.: Ваглер, 2002. С. 76-82, 93.

⁹ См.: Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга, АСТ, 1998. С. 496-585.

менно превосходить научный дискурс. Но в науке наиболее распространённой является ситуация полной укоренённости в структурах дискурса без намека на выход за его пределы. Растущая в наше время междисциплинарность не является опровержением этого тезиса. Здесь расширение только тематическое и содержательное, но не осуществляющее нейтрализации дискурсивных структур. Можно также наблюдать противоположное движение современного философского дискурса в направлении научного социогуманитарного дискурса. Философские исследования все больше становятся исследованиями в специфически научном понимании этого слова. Было время, когда философ мог брать какую угодно область и свободно восходить от нее к трансценденции или трансгрессии. Он всегда оставался в зоне онтологической проблематики, говорил ли он о познании, праве, религии, истории, искусстве или о чем-нибудь другом. Сегодня философские исследования нередко оказываются только исследованием какой-то отдельной сферы бытия (социальной, когнитивной, моральной) без малейшего намека на онтологию.

Из приведенных выше соображений, следует, что научное творчество является скорее эксцессом для научного дискурса, буквально: событием, выходящим из ряда вон. Обычно у тех, кого мы в данном исследовании называем мыслителями, в науке появляется ряд последователей, которые устраняют философскую составляющую из их разработок и целиком интегрируют их достижения в научный дискурс. Вместе с тем, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что трансгрессия может быть непосредственно обнаружена в научном дискурсе – не только в качестве содержания, но как особый режим функционирования этого дискурса. Таким образом, можно выделить два варианта функционирования научного дискурса в трансгрессивном режиме. Во-первых, раскрытие аномалий, парадоксальных элементов, на время выводящих научный дискурс из состояния замкнутости и себестождественности. Во-вторых, расширение научного дискурса через введение в него философской составляющей и возникающим в связи с этим движением в направлении философского дискурса.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
2. Вер Г. Карл Густав Юнг. Челябинск: Урал LTD, 1998. 216 с.
3. Вернадский В.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
4. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
5. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1989. 132 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 304 с.
7. Фейерабэнд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 413 с.
8. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
10. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
11. Юнг К.Г. О природе психе. Сборник. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. 414 с.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга, АСТ, 1998. 720 с.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
2. Ver G. Karl Gustav Jung. Chelyabinsk: Ural LTD, 1998. 216 s.
3. Vernadskii V.I. Izbrannyye trudy. M.: ROSSPEN, 2010. 744 s.
4. Delez Zh. Logika smysla. M.: Akademicheskii proekt, 2011. 472 s.
5. Geizenberg V. Fizika i filosofiya. M.: Nauka, 1989. 132 s.
6. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M.: Progress, 1977. 304 s.
7. Feierabend P. Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya. M.: AST; Khranitel', 2007. 413 s.
8. Fuko M. Arkheologiya znaniya. Kiev: Nika-Tsentri, 1996. 208 s.
9. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 408 s.
10. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 744 s.
11. Yung K.G. O prirode psikke. Sbornik. M.: Refl-buk, K.: Vakler, 2002. 414 s.
12. Yung K.G. Psikhologicheskie tipy. M.: Universitetskaya kniga, AST, 1998. 720 s.